

И. В. Долженко

Православные приходы Эриванской губернии. Миссионерская деятельность (XIX – начало XX в.)

Для объективной оценки истории Русской Православной Церкви на разных этапах политического, социально-экономического и культурного развития России необходим взвешенный подход, основанный на обширном фактологическом материале, иллюстрирующем религиозную жизнь на всей территории страны. Однако до сих пор деятельность и роль Русской Православной Церкви на региональном уровне не получила должного освещения в работах исследователей. Данная статья призвана частично восполнить этот пробел и посвящена вопросу распространения православия в Эриванской губернии в XIX – начале XX в. Она является первой в серии работ, где будут рассмотрены различные направления деятельности Русской Православной Церкви в этом регионе Закавказья.

В основу работы положены документальные материалы Центрального государственного исторического архива Республики Армения (ЦГИА РА), вводимые в научный оборот впервые¹.

В 1830-е гг. население Армянской области и Александрапольского уезда Грузино-Имеретин-

ской губернии, образовавших в 1849 г. Эриванскую губернию, исповедовало различные религии. Самой крупной являлась армяно-григорианская конфессиональная община, которую в основном составляли армяне. Небольшое число армян исповедовало католичество. Представители тюркоязычных этнических групп и значительная часть курдов являлись мусульманами – последователями суннитского и шиитского толков. Другая часть курдов придерживалась езидства. Греки исповедовали православие. Большинство ассирийцев были несторианами.

Политика российского правительства в Закавказье демонстрировала веротерпимость по отношению к различным конфессиям. Естественно, отдавалось предпочтение Русской Православной Церкви, однако она не провозглашалась единственной: были сохранены независимость и экономические права армяно-григорианской и мусульманской конфессий, представлявших религиозные интересы большинства населения в крае.

Православие наряду с самодержавием составляло основу политики русского правительства на

¹ К сожалению, в Центральном государственном историческом архиве Республики Армения (ЦГИА РА) отсутствуют фонды, непосредственно связанные с различными аспектами религиозной жизни, поскольку документация православных приходов Эриванской губернии отложилась в архивах Канцелярии экзарха Грузии и Общества восстановления православного христианства на Кавказе, которые хранятся в ЦГИА Республики Грузия. В ЦГИА РА источниковая база по истории русского православия представлена разрозненными документами, рассеянными по фондам распорядительного и хозяйственного направления, что затруднило работу исследователя. Тем не менее, выявленные документальные источники позволяют осветить определенный круг проблем, связанный с региональной историей Русской Церкви. Данная работа основана на материалах из фондов Эриванского губернского правления (ф. 94) и Управления землемерием и государственными имуществами Эриванской губернии и Карской области (ф. 133). Большинство документов отражают действия религиозных и светских властей на просьбы прихожан и священнослужителей и представляют собой переписку с главами административных учреждений разного уровня. Материалы, носящие духовный характер, чаще всего содержатся в прошениях о смене вероисповедания, приговорах сельских сходов о строительстве церквей, школ и т. д. В работе также использованы немногочисленные литературные источники, а также полевые материалы, собранные автором в 1996 – 1999 гг. в местах компактного расселения ассирийцев Армении – с. Арзи (Котайкская область), Верхний Двин, Димитров (Арагатская область), которые дополняют письменные данные.

Ниже приведены современные названия населенных пунктов Армении, фигурирующих в тексте, которые подверглись изменениям: с. Нижний Койласар – ныне с. Димитров, с. Двин-Айсор – с. Верхний Двин, с. Гель-Айсор – не существует, с. Яслу – с. Айгестан, с. Юва – с. Шаумян, с. Камарлу – г. Аштарак (в прошлом Эриванского уезда – ныне Арагатской области); с. Шинковит Эриванского уезда – ныне в составе г. Еревана; с. Александровка – с. Гариджанян, с. Бугдашен – с. Баграван, с. Малый Караклис – с. Азатан (в прошлом Александрапольского уезда – ныне Ширакской области); с. Малый Шахриар – с. Нор Артагерс (в прошлом Эчмиадзинского уезда – ныне Армавирской области); с. Талын Эчмиадзинского уезда – ныне г. Талин Арагацотнской области; с. Верхний Карапнуг – с. Геховит, с. Кясик-Баш – с. Лернакерт (в прошлом Новобаязетского уезда – ныне Гехаркуникской области); с. Кульпы и Игдыры Сурмалинского уезда – ныне на территории Турции.

всей территории империи, в том числе и на окраинах, где вслед за военно-полицейскими, административно-судебными и хозяйственными учреждениями создавались и религиозные. Перед ними стояла задача укрепления Православной Церкви, усиления ее первенствующего значения, что достигалось различными методами, в том числе и проповедью православия среди народов, исповедовавших другие религии.

Учитывая, что Закавказье являлось важным пограничным районом Российской империи, деятельность светских и религиозных властей по распространению православия в этом регионе должна была быть особенно эффективной. Тем не менее, в первые десятилетия после присоединения к России специальных миссий в Закавказье, занимавшихся распространением официальной религии, не было. Пропаганда государственной религии была возложена на приходских священнослужителей, и центрами миссионерской деятельности были православные церкви².

Лишь в 1860 г. было создано Общество восстановления православного христианства на Кавказе (далее – Общество восстановления) с центром в Тифлисе. Основными направлениями деятельности Общества являлись распространение христианства и развитие образования между горскими народами. Несмотря на то, что по роду своих занятий Общество восстановления было тесно связано с духовной жизнью края, до середины 1880-х гг. оно оставалось светской организацией. Неоднократные попытки религиозных властей добиться перехода Общества восстановления в ведение Церкви увенчались успехом лишь в 1885 г.: оно было подчинено Синоду, и председателем его стал экзарх Грузии³. В результате изменения статуса активизировалась миссионерская деятельность Общества: строились храмы, открывались новые приходы, готовились кадры священнослужителей и т. д.

Архивные и статистические материалы свидетельствуют, что процесс распространения православия среди народов, проживавших на территории Эриванской губернии, был растянут во времени и происходил на протяжении XIX – начала XX в. Документальные источники позволяют сделать вывод, что работа миссионеров велась в основном среди крестьянского сословия.

Миссионерская деятельность предполагала различные формы: церковные проповеди-беседы с иноверцами, в которых доказывалось превосходство православной веры перед другими религиями, и обращение в истинную веру, а также совершение православных треб уже среди новообращенных и пастырская опека духовника. Помимо этого, одним из направлений работы миссионеров являлась организация церковных школ и библиотек, которым отводилась важная роль в деле религиозного воспитания подрастающего поколения из числа коренных, местных народов.

Желающие перейти в православие просили распоряжения губернатора о принятии их в лоно Православной Церкви; уездные начальники были задействованы в получении тех или иных сведений о просителях. Собранные документы препровождались в Тифлис, где Грузинско-Имеретинская синодальная контора Грузинского экзархата принимала окончательное решение.

Для желающих принять ортодоксальную веру был установлен испытательный срок – несколько месяцев, в течение которых священнику следовало разъяснить им основы вероучения и смысл 10-ти заповедей, научить их основным молитвам. Накануне крещения в присутствии представителя местной администрации они подписывали письменные обязательства, в которых подтверждали «решительное намерение... присоединиться к Православной Церкви и обещание пребывать в послушании оной всегда и неизменно», или же устно заявляли о своем твердом решении принять новую веру⁴.

Обычно обращение в православие, состоявшее из крещения и приведения к присяге, совершалось в церкви приходским священником в присутствии нескольких свидетелей. Однако принятие православия большой группой иноверцев обставлялось торжественно, что должно было эмоционально воздействовать на верующих, в частности таинство совершал сам благочинный – глава благочиннического округа, к которому относился данный приход⁵.

В 1899 г. обращение в православие двух групп армянских крестьян с. Агин и Бугдашен Александрапольского уезда общей численностью в 134 человека происходило в помещениях сельских управлений, так как православные храмы в этих селах еще не были построены. Крещение совершал

² Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 451.

³ Кавказский календарь на 1881 г. Тифлис, 1883. Раздел III. С. 337; Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность Церкви: (Вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 442. О том, что до 1885 г. Общество восстановления находилось вне круга церковных учреждений края, свидетельствует его руководство: во главе Общества стоял кавказский наместник, затем, по упразднении наместничества в 1881 г., должность председателя исполнял Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе. Созданный в 1865 г. для заведования делами совет Общества состоял в большинстве своем из светских лиц, и духовенство в нем не играло руководящей роли.

⁴ ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2559. Л. 1; Ф. 133. Оп. 1. Д. 1319. Л. 6; ЦГИА Республики Грузия. Ф. 488. Оп. 1. Д. 8625. Л. 9.

⁵ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1319. Л. 1.

всей территории империи, в том числе и на окраинах, где вслед за военно-полицейскими, административно-судебными и хозяйственными учреждениями создавались и религиозные. Перед ними стояла задача укрепления Православной Церкви, усиления ее первенствующего значения, что достигалось различными методами, в том числе и проповедью православия среди народов, исповедовавших другие религии.

Учитывая, что Закавказье являлось важным пограничным районом Российской империи, деятельность светских и религиозных властей по распространению православия в этом регионе должна была быть особенно эффективной. Тем не менее, в первые десятилетия после присоединения к России специальных миссий в Закавказье, занимавшихся распространением официальной религии, не было. Пропаганда государственной религии была возложена на приходских священнослужителей, и центрами миссионерской деятельности были православные церкви².

Лишь в 1860 г. было создано Общество восстановления православного христианства на Кавказе (далее – Общество восстановления) с центром в Тифлисе. Основными направлениями деятельности Общества являлись распространение христианства и развитие образования между горскими народами. Несмотря на то, что по роду своих занятий Общество восстановления было тесно связано с духовной жизнью края, до середины 1880-х гг. оно оставалось светской организацией. Неоднократные попытки религиозных властей добиться перехода Общества восстановления в ведение Церкви увенчались успехом лишь в 1885 г.: оно было подчинено Синоду, и председателем его стал экзарх Грузии³. В результате изменения статуса активизировалась миссионерская деятельность Общества: строились храмы, открывались новые приходы, готовились кадры священнослужителей и т. д.

Архивные и статистические материалы свидетельствуют, что процесс распространения православия среди народов, проживавших на территории Эриванской губернии, был растянут во времени и происходил на протяжении XIX – начала XX в. Документальные источники позволяют сделать вывод, что работа миссионеров велась в основном среди крестьянского сословия.

Миссионерская деятельность предполагала различные формы: церковные проповеди-беседы с иноверцами, в которых доказывалось превосходство православной веры перед другими религиями, и обращение в истинную веру, а также совершение православных треб уже среди новообращенных и пастырская опека духовника. Помимо этого, одним из направлений работы миссионеров являлась организация церковных школ и библиотек, которым отводилась важная роль в деле религиозного воспитания подрастающего поколения из числа коренных, местных народов.

Желающие перейти в православие просили распоряжения губернатора о принятии их в лоно Православной Церкви; уездные начальники были задействованы в получении тех или иных сведений о просителях. Собранные документы препровождались в Тифлис, где Грузинско-Имеретинская синодальная контора Грузинского экзархата принимала окончательное решение.

Для желающих принять ортодоксальную веру был установлен испытательный срок – несколько месяцев, в течение которых священнику следовало разъяснить им основы вероучения и смысл 10-ти заповедей, научить их основным молитвам. Накануне крещения в присутствии представителя местной администрации они подписывали письменные обязательства, в которых подтверждали «решительное намерение... присоединиться к Православной Церкви и обещание пребывать в послушании оной всегда и неизменно», или же устно заявляли о своем твердом решении принять новую веру⁴.

Обычно обращение в православие, состоявшее из крещения и приведения к присяге, совершалось в церкви приходским священником в присутствии нескольких свидетелей. Однако принятие православия большой группой иноверцев обставлялось торжественно, что должно было эмоционально воздействовать на верующих, в частности таинство совершал сам благочинный – глава благочиннического округа, к которому относился данный приход⁵.

В 1899 г. обращение в православие двух групп армянских крестьян с. Агин и Бугдашен Александрапольского уезда общей численностью в 134 человека происходило в помещениях сельских управлений, так как православные храмы в этих селах еще не были построены. Крещение совершал

² Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1995. С. 451.

³ Кавказский календарь на 1884 г. Тифлис, 1883. Раздел III. С. 337; Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность Церкви: (Вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 442. О том, что до 1885 г. Общество восстановления находилось вне круга церковных учреждений края, свидетельствует его руководство: во главе Общества стоял кавказский наместник, затем, по упразднении наместничества в 1881 г., должность председателя исполнял главноначальствующий гражданской частью на Кавказе. Созданный в 1865 г. для заведования делами совет Общества состоял в большинстве своем из светских лиц, и духовенство в нем не играло руководящей роли.

⁴ ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2559. Л. 1; Ф. 133. Оп. 1. Д. 1319. Л. 6; ЦГИА Республики Грузия. Ф. 488. Оп. 1. Д. 8625. Л. 9.

⁵ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1319. Л. 1.

глава Александрапольского благочиннического округа, священник Григорий Василов, в присутствии именитых гостей: уездного начальника князя Андроникова, уездного пристава, священника православной церкви соседнего греческого с. Баяндура, двух местных армяно-григорианских священнослужителей и сельского старшины⁶. Присутствие при крещении лиц разного вероисповедания свидетельствовало о веротерпимости различных религиозных общин.

При крещении в православие новообращенные получали новые русские имена, которые обычно не употребляли и нередко даже забывали, поскольку в быту продолжали пользоваться старыми именами. По сравнению с армянами, более восприимчивыми к новым именам, были ассирийцы: среди них такие имена, как Андрей, Николай, Наталья и др., не были редкостью уже в конце XIX в.

Во второй трети XIX в. ограниченные материальные возможности, небольшое количество церквей и малочисленность приходского духовенства не позволяли заниматься проповедью православия одновременно среди нескольких народов, проживавших на территории Эриванской губернии. От того, насколько верно был выбран объект внимания миссионеров, зависели будущие результаты их деятельности.

Русское крестьянство губерний, численность которого в 1880-е гг. составляла 3,9 тыс. человек, было представлено сектантами: молоканами и субботниками⁷. По мнению закавказской администрации, эти вероучения не представляли опасности для коренных жителей христианского вероисповедания «по различию в образе жизни, нравах, языке»⁸. Кроме этого, моноконфессиональный состав русских поселений, строгий административный надзор за исполнением ими обрядов лишь в кругу единоверцев, отсутствие вблизи мест компактного проживания русских православного исповедания, которые могли стать благодатной почвой для прозелитизма сектантов, исключали возможность распространения этих религиозных течений в Эриванской губернии. Исходя из этого, решение проблемы взаимоотношений русских сект-

антов с системой Православной Церкви духовные и светские власти намеренно откладывали, чтобы не вызвать лишних осложнений, и миссионерская работа среди них не проводилась.

Несмотря на то, что одной из целей Общества восстановления православного христианства на Кавказе являлась борьба с мусульманством, особого усердия в своем стремлении обратить последователей ислама в православие официальная Церковь не проявляла. Доказательством этому являлись конкретные результаты такой политики в масштабах всего Закавказья: в 1881 г. по всему региону православие приняло лишь 80 мусульман⁹. Эриванская губерния не была исключением: в 1886 г. в составе губернской православной общины было всего четыре человека, в прошлом мусульманина. К концу XIX в. их число увеличилось до 36-ти¹⁰.

Обычно причиной отказа мусульман от традиционной религии являлись смешанные в конфессиональном отношении браки, объединявшие мусульман и православных. В XIX в. такие браки разрешались лишь при условии обязательного перехода мусульманина в православие. Однако в начале XX в. отношение правящей Церкви к подобным бракам становится лояльным. Вступающий в брак нехристианин сохранял свое вероисповедание, однако заключение брака, а также крещение будущих детей должны были происходить по обрядам Православной Церкви¹¹. О случаях нарушений этих правил священнослужители ставили в известность главу епархии – экзарха, который сообщал об этом губернатору и принимал решение – привлечь виновных к строгой ответственности. Судя по тому, что эти дела не имели дальнейшего хода, такие меры воздействия оставались на бумаге.

В 1830 – 1850-е гг. основное внимание миссионеров было обращено на ассирийцев. Появление представителей этого этноса на территории Восточной Армении было связано с Туркменчайским договором 1828 г., когда после окончания русско-персидской войны десятки ассирийских семей получили возможность переселиться на территорию Российской империи. Основу ассирийцев, обосновавшихся в Эриванской губернии, составили вы-

⁶ ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2559. Л. 1.

⁷ Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893. Табл. «Свод населения по городам и уездам Эриванской губернии». Одним из результатов политики российского правительства в Закавказье, направленной на социально-экономическое развитие нового региона, явилось появление русского населения, значительную часть которого составляли сектанты. Переселение их в Закавказье было законодательно оформлено указом от 20 ноября 1830 г., который был подкреплен законами 1830 – 1840-х гг., предоставившими переселенцам значительные экономические льготы и разрешавшими свободу вероисповедания. Эти законодательные акты открыли широкое переселенческое движение сектантов, в результате которого в Эриванской губернии сложился массив русского крестьянства, представленного молоканами и субботниками.

⁸ Акты Кавказской археографической комиссии. Т. 10. С. 118. Док. 95.

⁹ Кавказский календарь на 1884 г. С. 337.

¹⁰ Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Эриванский уезд, с. Гель-Айсор. Н. 46; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXI. Эриванская губерния. Тифлис, 1905. Табл. XIV. «Распределение населения по вероисповеданию и родному языку».

¹¹ ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 3184. 3186.

ходцы из Урмийской провинции Ирана, последователи несторианства¹². Кроме них, среди переселенцев были католики и единичные последователи яковитской и маронитской церквей.

По воспоминаниям, передаваемым ассирийцами из поколения в поколение, среди первопоселенцев, которые в 40-е гг. XIX в. осели в с. Нижний Койласар (далее – Койласар) Эриванского уезда, был несторианский священнослужитель, рукоположенный в соответствии с традиционными религиозными предписаниями, и в первые годы жизни на новом месте он проводил богослужения на родном языке и в соответствии с особенностями несторианского канона¹³. Однако с уходом из жизни этого священника ассирийцы остались без духовного пастыря, чем и воспользовались православные миссионеры.

Уже в ближайшее время их работа дала результаты: в 1840-е гг. начался процесс принятия православия ассирийцами с. Койласар. В 1859 г. все ассирийские крестьяне селений Койласар, Двин-Айсор и Гель-Айсор Эриванского уезда в количестве 685 человек (127 хозяев) приняли православие. К концу XIX в. из общей численности ассирийцев Эриванской губернии, в 2 682 человека, православных насчитывалось 2 428 человек, или 90,5 %¹⁴.

Суждения крестьян о православии можно выявить лишь на основании разнотипных документальных источников, поскольку прошения ассирийских крестьян о присоединении их к православию с указанием причин смены исповедания в ЦГИА РА отсутствуют: документация православных приходов губернии хранится в архивах Грузинской епархии, которые находятся в фондах ЦГИА Грузии.

Следует признать, что высказывания ассирийцев о православии довольно однотипны и содержат формулировки о «справедливом превосходстве православной веры» над другими, о «непреложной ис-

тине догматов Православной Церкви», о православии как вере «лучшей», «истинной». В некоторых документах имеются слова благодарности России, спасшей их от «деспотизма мусульманства», олицетворением которой выступало православие¹⁵.

Бытующее в литературе мнение о насильственном крещении несториан в православие не имеет под собой оснований, по крайней мере в отношении ассирийцев Восточной Армении¹⁶. Процесс принятия новой религии проходил на добровольной основе, безболезненно и быстро, чему в определенной степени способствовал высокий авторитет православия в ассирийской среде, подкрепляемый желанием «быть русскими по вере». Небезынтересно отметить, что на протяжении всего XIX в. ассирийцы-несториане Турции и Ирана предпринимали неоднократные попытки принять православие, однако лишь в 1898 г. миссия Русской Православной Церкви завершилась успешно¹⁷.

К распространению православия среди ассирийцев Эриванской губернии Церковь подошла с большой ответственностью, о чем свидетельствуют личности миссионеров. Это были священнослужители, имевшие высокий уровень профессиональных знаний и обладавшие особым тактом и умением – в простой и доступной форме объяснять верующим православное учение с учетом быта, языка, религиозных традиций данного народа. Такими остались в исторической памяти архимандриты Майский и Софония (Сокольский). Из литературных источников известно, что именно архимандритом Майским была крещена первая группа ассирийцев и именно благодаря его усилиям в 1840-гг. в Койласаре была построена православная часовня¹⁸.

Более подробными сведениями мы располагаем о личности архимандрита Софонии (Сокольского). О его заслугах как высокообразованного священнослужителя и вдумчивого миссионера

¹² Несторианство – одно из искажений христианства. Основным отличием Н. от других ересей является учение о том, что Христос не был Сыном Божиим, а был человеком, в котором жил Бог, и что Божественная и человеческая природа Иисуса Христа отделены друг от друга. Исходя из этого, несториане считают Богородицу Христородицей и не почитают Ее. На III Вселенском (Эфесском) Соборе в 431 г. вероучение Нестория было осуждено как ересь. В Н. признаются семь таинств, однако не все из них соответствуют православным. В несторианских храмах отсутствуют иконы. По национальной принадлежности подавляющее большинство несториан – ассирийцы. (См.: Пучков П. И. Несторианство // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998. С. 779.)

¹³ Полевые материалы, 1996. С. Димитров // Личный архив автора. Тетр. I.

¹⁴ ЦГИА РА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 121. Л. 445 – 446, 519 – 520; Д. 122. Л. 81 об. – 82; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXI. Эриванская губерния. Табл. XIV. «Распределение населения по вероисповеданию и родному языку».

¹⁵ ЦГИА РА. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1682. Л. 1 и др.

¹⁶ Мищенко Е. В., Михайлов С. С. Ассирийцы // Народы и религии мира: Энциклопедия. С. 61.

¹⁷ Обряд принятия православия состоялся в 1898 г. в торжественной обстановке, в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской Лавре, где присутствовали высшее духовенство и члены царской семьи. Депутация из пяти человек во главе с епископом Мар-Ионой представляла тысячи несториан (по одним сведениям, от 8-ми до 15-ти, по другим – до 30 тысяч). В политическом плане с принятием православия ассирийская паства приобретала могущественного защитника в лице Русской Православной Церкви (Андреев И. Д. Несториане // Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 2. С. 197; Матвеев (Бар-Маттай) К. П., Мар-Юханн И. И. Ассирийский вопрос во время и после первой мировой войны. М., 1968. С. 23; Вартанов И. Ассирийцы – христиане в СССР, или Блудные дети ассирийской церкви Востока // Атра. 1991. № 3. С. 48).

¹⁸ Эйзазов П. Некоторые сведения о селе Койласар и об айсорах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 4. Тифлис, 1884. С. 286.

свидетельствует его назначение в 1871 г. главой Туркестанской епархии¹⁹. Находясь в 1851 – 1862 гг. в Эриванской губернии, он интересовался бытом и верованиями ассирийцев, уделяя особое внимание их традиционной религии – несторианству. Архимандрит Софония выявлял прежде всего сходные черты, объединяющие религиозные представления несториан и православных. Общие представления давали основу для сближения, что получило отражение в исследовании «Современный быт и литургия христиан инославных Иаковитов и Несториан...»²⁰, которое и в настоящее время представляет немалый интерес для понимания причин столь успешного распространения православия среди ассирийцев-несториан.

Знание основ несторианства, его современного состояния позволило архимандриту Софонии активно помогать ассирийцам, знавшим русский язык, в переводе на их родной язык православных богослужебных книг. С его именем связано открытие в с. Койласар в 1862 г. первой в губернии православной церковной школы, где преподавание велось на русском языке²¹.

По наблюдениям архимандрита Софонии, слабая степень владения ассирийцами несторианским религиозным наследием способствовала тому, что внутренние разногласия двух церквей – несторианства и православия – утратили «и смысл, и значение, и веру» и отошли на задний план, уступив место общехристианским постулатам, тем более что память об общих корнях была жива среди ассирийцев еще в середине XIX в.²²

Для ассирийцев, проживавших в иноэтническом и иноконфессиональном окружении, именно православие, пришедшее на смену несторианству, явилось основой для их консолидации и создало предпосылки для дальнейшего этносоциального развития. Оно стало стержнем, вокруг которого строилась не только религиозная, но и культурно-бытовая жизнь этой этнической группы.

Смена религии не привела к утрате ассирийцами национальных корней. Близость друг к другу основных мест компактного проживания, крепкие родственные, соседские, земляческие связи, об-

щинные праздники, совместно отмечаемые ассирийцами из различных селений, были и остаются важными факторами, способствующими сохранению этнического самосознания, родного языка, поддержанию национальных традиций.

Не ограничиваясь обращением ассирийцев в православие, священники занимались миссионерской деятельностью и среди армянского населения губернии. (Во второй трети XIX в. имели место единичные случаи принятия православия армянами.) Результаты ее стали проявляться с 1860-х гг., когда начался более активный процесс крещения армян в православие.

География распространения православия среди армян довольно обширна и охватила многие уезды: Эриванский, Эчмиадзинский, Новобаязетский, Сурмалинский, Александрапольский. Среди принимавших новую веру подавляющее большинство составляли крестьяне – в основном жители тех селений, в которых имелась или поблизости находилась церковь, священник которой и занимался проповедью православия. Так, в 1880 – 1890-е гг. православие приняли десятки армян, проживавших в Эриванском уезде, в селениях Камарлу, Аяслу, Юва, Шинковит и др., расположенных близ ассирийского койласарского прихода²³.

В некоторых селениях армяне принимали православие группами: в 1865 г. 107 крестьян с. Малый Шахриар Эчмиадзинского уезда, в 1889 г. 174 жителя с. Кульпы Сурмалинского уезда, в 1895-м и 1899 гг. три группы крестьян с. Малый Караклис, Агин и Бугдашен Александрапольского уезда общей численностью в 203 человека были крещены в православие²⁴.

Большой общественный резонанс получила смена религии крестьянами с. Малый Караклис, которые, в отличие от других новообращенных армян, в прошлом исповедовавших армяно-греко-православие, являлись армяно-католиками. Успешная работа римско-католических миссионеров в пределах Закавказья, пополнивших ряды своих последователей в основном за счет верующих других христианских конфессий, вызывала постоянное соперничество между священнослу-

¹⁹ Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 2. С. 617.

²⁰ Софония (архимандрит). Современный быт и литургия христиан инославных Иаковитов и Несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к управлению их церковных служб, особенно же их литургии. С присовокуплением переводной записи о несогласии церкви армянской со Вселенскою Православною. Спб., 1876. С. 159, 182 – 183.

²¹ Эйвазов П. Указ. соч. С. 286.

²² По свидетельству архимандрита Софонии, сами несториане «сильно протестуют противу сего названия, утверждая, что они – не несториане, а христиане, как и все верующие в Евангелие Христово, что вера их отнюдь не Несториева, а вселенская и православная, существовавшая до Нестория» (Софрония (архимандрит). Указ. соч. С. 184. Выдержка текста приводится в соответствии с изданием 1876 г.).

²³ ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2899, 2901, 2902.

²⁴ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 605. Л. 15 об.; Ф. 94. Оп. 1. Д. 1319. Л. 1, 6; Д. 2559. Л. 1; Д. 2900. Л. 16. Отметим, что крещение армян с. Шахриар не получило отражения в статистических сведениях 1873 г. и было зафиксировано лишь в посемейных списках 1886 г. (Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Эриванская губерния, Эчмиадзинский уезд, с. Малый Шахриар. № 1154).

жителями католицизма, с одной стороны, и православия и армяно-григорянства – с другой. В этих условиях переход группы армяно-католиков в православие был воспринят религиозными руководителями края, а также высшим органом управления Русской Православной Церкви – Синодом – как значительное достижение миссионеров. Об этом стало известно и императору Николаю II, который пожертвовал 5 000 руб. для строительства православного храма, помещения для причта и церковной школы для новообращенных армян из с. Малый Караклис²⁵.

Хотя приобщение к православию проводилось на строго добровольных началах, однако зачастую побудительным мотивом для смены религии служили практические жизненные нужды крестьян. Одной из причин принятия православия армянским населением были материальные выгоды. В частности, в отношении новых членов Церкви устанавливалась особая покровительственная политика: на определенный срок они освобождались от уплаты налогов и в этом получали преимущества перед односельчанами.

Причины смены религии армянскими крестьянами содержатся в многочисленных прошениях о возвращении в григорянство (о причинах отсутствия прошений о принятии православия говорилось выше).

Объясняя свой отказ от традиционной религии, армяне часто указывали на «некоторые обстоятельства», которые в отдельных случаях даже «принудили» их принять православие²⁶. Решение о смене религии крестьянами с. Новрузлу Эриванского уезда было принято «по разным обстоятельствам, не имеющим какой-либо связи по отношению к религии»²⁷. В 1890-е гг. 35 крестьян с. Верхний Караплуг Новобаязетского уезда, по их мнению «стесненные» односельчанами в землепользовании, перешли в православие «не по духовному внутреннему убеждению своему», а лишь с целью «наружного благоустройства всего хозяйственного быта», надеясь на «широкое расположение православного духовенства и защиту правительства»²⁸. Анализ этих и других документов позволяет сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев в основе перехода армян в православие лежали экономические причины.

Среди армянских крестьян ходили упорные слухи, что принявшие православие будут пользо-

ваться привилегиями в земельном обеспечении. Эти слухи основывались на обещаниях некоторых священников – увеличить земельные наделы новым приверженцам православия. Так, в 1901 г. житель с. Игдырь Сурмалинского уезда, Саак Елов Акопов, принял православие «не по убеждению, а только на время, до получения какой-то земли, которую обещал исходатайствовать для него присоединивший его к православию Барнабов». Своего ребенка он соглашался крестить по православному обряду лишь в том случае, если ему будет выдана дарственная на «церковный» участок земли размером в 20 дес. (местные власти неукоснительно придерживались правила, по которому детей, родившихся после принятия православия отцом или матерью, необходимо было крестить в православной вере)²⁹. По прошествии 12 лет, не получив обещанного земельного надела, Акопов оставил православие и вернулся в григорянство.

Представления о дополнительном обеспечении землей православных армян формировались в результате не только заведомо ложных сведений, распространяемых недобросовестными священнослужителями, но и вследствие отдельных действий светских и религиозных властей. По их мнению, новых членов Православной Церкви следовало отселять в отдельные поселения или переселять в села, где уже имелись значительные группы православных³⁰. Действительно, в таких условиях было бы легче налаживать религиозную жизнь, следить за духовным развитием новокрещеных. Однако была еще одна немаловажная причина создания отдельных поселений именно для православных армян.

В отличие от ассирийцев, переход которых в православие воспринимался окружающим населением естественно, отказавшиеся от традиционной религии армяне подвергались давлению со стороны односельчан-григориан. Нередко активная агитация последних за отказ от православия не ограничивалась словесной перепалкой, а выходила за рамки дозволенного и выражалась в применении физической силы, о чем свидетельствуют документальные источники³¹. Имели место случаи, когда новокрещеных армян односельчане силой заставляли отказаться от православия. Так, в 1905 г. десять крестьян с. Талын Эчмиадзинского уезда обратились к протоиерею Николаю Федотову с

²⁵ ЦГИА РА. Ф. 133. Оп. 1. Д. 2177. Л. 224.

²⁶ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2893. Л. 1; Д. 2897. Л. 1.

²⁷ Там же. Д. 2924. Л. 3.

²⁸ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2924. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 2987. Л. 18.

³⁰ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 2177, 2331, 2653.

³¹ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 605, 1682, 1901, 1907, 2177, 2331, 2653 и др.

просьбой признать недействительным их прошение, написанное при необычных обстоятельствах: «Недавно некто из нас, Николай Асатуров, под угрозою смерти принужден был подписать заявление об отпадении нас от православной веры опять в армяно-григорианскую, без нашего согласия, желания и уполномочия»³².

Многочисленные жалобы новокрещеных на притеснения их со стороны соседей вызывали озабоченность духовенства и местной администрации. В 1890 г. пристав Эриванского уезда в донесении уездному начальнику писал о «печальном» положении малочисленных групп православных армян, оторванных от православной церкви и от священника, «этих несчастных, притесняемых и гонимых со всех сторон своими единоплеменниками... защиты от которых они не всегда найдут и в приставе, так как подтвердить их жалобу едва ли кто посмеет. Присоединенные к православию, они потом были брошены на произвол судьбы, без всяких утверждений в правилах Православной Кафолической Церкви, они, весьма естественно, продолжают исповедовать сами и учить своих детей обрядам армяно-григорианской церкви, за что их самих преследовать, по моему мнению, не следует»³³.

Власти должны были постоянно заботиться не только о духовном росте новокрещеных, но и об их личной безопасности и сохранности имущества, что было закреплено законами Российской империи³⁴. В этих законодательных рамках действовали чиновники губернского правления, о чем красноречиво свидетельствует предписание начальнику Сурмалинского уезда в 1889 г. «принять меры предосторожности, дабы присоединенным к Православной Церкви кульпинцам отнюдь не было причиняено односельцами их, армянами, какихлибо притеснений или делаемы попреки за переход в православие»³⁵.

Для выполнения своих планов губернская администрация изыскала земли для образования нескольких «отселков» для новообращенных армян: православные с. Верхний Карапнуг образовали с. Кясик-Баш, а с. Малый Караклис – с. Александровка³⁶. Однако из-за недостатка земель этот вариант был заменен на отселение православных в обособленную часть села и там же отведение им

земельных наделов, что, естественно, затрагивало интересы всего населения и являлось яблоком раздора между григорианами и православными, давая повод каждой из сторон обвинять другую в нарушении межевых знаков, неправильном распределении земель и т. д. В 1899 г. была даже образована комиссия во главе с уездным начальником по определению границ между землями двух групп верующих с. Агин и Бугдашен³⁷.

Переходя на жительство в новые поселения, новокрещеные испытывали определенный психологический дискомфорт: они отрывались от привычной обстановки, нарушались семейно-родственные, соседские и другие неформальные связи, традиционно значимые в крестьянской среде. В 1911 г. православные армяне с. Кясик-Баш в числе причин, повлиявших на их решение вернуться в григорианство, указали желание «присоединиться к нашим старым соседям» в родном селе Верхний Карапнуг³⁸.

Распространение православия вызвало разделение семей по конфессиональному признаку: члены одной семьи исповедовали разные религии – одни православие, другие григорианство. Это прослеживается в документальных отчетах о крещении крестьян, где в списках против каждого члена семьи указывалась его религиозная принадлежность. Например, в 1865 г. в с. Малый Шахриар из 148 человек, составлявших 20 семей, 37 осталось в армяно-григорианской вере. В 1899 г. в с. Агин из 11 семей (74 человека) крестьян лишь 2 семьи в полном составе (18 человек) перешли в православие. В остальных семьях 16 человек отказалось от перехода в новую религию³⁹. Чаще всего стойкую приверженность традиционной вере проявляли женщины.

Совместное проживание членов семьи – последователей разных религий – вносило сложность в семейные взаимоотношения. Например, крестьянка с. Игдырь, Багар Елоянц, оставалась в православии под угрозой и давлением со стороны мужа – нового последователя ортодоксальной Церкви⁴⁰. Еще сложнее было с детьми, которых зачастую записывали православными без их ведома, при согласии лишь одного из родителей. Так, в с. Агин 12-летнего Тиграна Оганесова без ведома отца, оставшегося в григорианстве, и без принятия

³² ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2824. Л. 2.

³³ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1682. Л. 20.

³⁴ Полтавская Х. В. К вопросу о православном миссионерстве на Алтае (30 – 60-е годы XIX в.) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 101.

³⁵ ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 1319. Л. 7 об.

³⁶ Там же. Д. 2900, 3138, 3190, 3191, 3194; Ф. 133. Оп. 1. Д. 2331.

³⁷ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 2177. Л. 222, 224.

³⁸ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 3138. Л. 4.

³⁹ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 605. Л. 26; Д. 2177. Л. 227 – 227 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 3890. Л. 13.

тия сыном присяги мать, православная армянка, записала в число православных⁴¹.

При переселении смешанных в конфессиональном отношении семей в отдельное православное поселение возникал сложный вопрос: должны ли члены семьи – последователи григорианства – переселяться или могут оставаться на прежнем месте жительства? В 1901 г. этот вопрос обсуждался высшим руководством края. Согласно выработанным рекомендациям, несовершеннолетние дети и дочери старше 18-ти лет подлежали переселению, совершеннолетние же сыновья, оставшиеся в григорианстве, имели право выбора: переезжать вместе с родителями или оставаться в «коренном» селении; однако жены, независимо от вероисповедания, должны были находиться при своих мужьях, чтобы «не колебать прочность браков»⁴².

Конкретные результаты миссионерской деятельности среди армянского населения свидетельствовали о малой эффективности проповеди православия чисто церковными средствами и заставили духовенство с согласия государственного аппарата обратиться к мерам в области образования. В последние десятилетия XIX столетия в местах проживания новых последователей православия стали открываться церковно-приходские школы, в которых обучение велось на русском языке. Эти школы должны были не только распространять русскую грамотность среди местных народов, но – самое главное – воспитывать детей в духе самодержавия и православия, что достигалось преобладанием в школьной программе религиозных дисциплин: Закона Божия, церковно-славянского языка и церковного пения. Таким образом, деятельность церковных школ была в некоторой степени направлена на русификацию не только образования, но и веры.

Рост числа таких школ сопровождался запретом армянских церковных приходских школ. Под предлогом, что последние по своему характеру не являются духовными, с согласия Министерства внутренних дел, министра народного образования и высших властей Кавказа было решено исключить армянские церковно-приходские школы из компетенции армянской церкви и передать в распоряжение соответствующих государственных органов (положение от 16 февраля 1884 г.). На отказ ар-

мянской церкви выполнить распоряжение властей правительство в 1885 г. распорядилось закрыть армянские приходские школы, что вызвало недовольство в широких кругах населения. Под угрозой закрытия оказалось более 180 школ с 12 тысячами учащихся. Лишь в начале XX в. власти отказались от своих намерений, и армянские приходские школы вновь стали открываться⁴³.

Несмотря на все усилия религиозной и светской администрации, результаты миссионеров были неутешительны: по переписи 1897 г. в Эриванской губернии проживало 954 армянина православного исповедания, среди которых преобладало сельское население – 886 человек, или 92,9 %. Доля православных армян от всего армянского населения губернии составляла 0,2 %⁴⁴. Продолжавшийся процесс крещения армян в конце 1890 – начале 1900-х гг. незначительно увеличил численность этой группы: до 1,3 – 1,4 тысячи человек.

Непрочность успехов деятельности православных миссионеров среди армянского населения показало массовое возвращение армян к своей традиционной религии после появления манифестов 1905 г.⁴⁵ Исключением являлись немногие семьи, чье обращение к православию было искреннее, но они не меняли общей картины.

В прошениях крестьян о возвращении в григорианство указывались причины выхода из православия: православные храмы не посещали, на исповедь не ходили, обряды не соблюдали и т. д. «Хотя я сам православный, – писал в 1907 г. крестьянин с. Камарлу, – но воспитан в духе армяно-григорианской церкви и ни разу не был в православной церкви и не знаю русского языка»⁴⁶. Подобная мотивация встречается во многих прошениях, что свидетельствует о массовом несоблюдении новокрещеными армянами церковных православных правил.

В качестве весомого аргумента в пользу возвращения в григорианство в прошениях нередко фигурировали ссылки на традиционность религии, которую исповедовали сами просители ранее, их родители и предки. Новые члены Церкви, не затрагивая содержательной стороны вероучения, обосновывали свою прежнюю религиозную принадлежность заветами отцов. Так, в 1911 г. православная армянка Пелагея Георгиева из с. Малый

⁴¹ ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2599. Л. 15.

⁴² Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 2177. Л. 180.

⁴³ Акопян Т. Х. Очерк истории Еревана. Ереван, 1977. С. 289 – 290.

⁴⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXI. Эриванская губерния. Табл. XIV. «Распределение населения по вероисповеданию и родному языку».

⁴⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Т. XXV. № 26125, 26803. Манифест от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» снял многочисленные препятствия и ограничения в выборе религии, объявил веротерпимость, узаконил свободу перехода из православия в другие христианские религии и т. д. Указ от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» содержал в себе формулу «свобода совести».

⁴⁶ ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2896. Л. 1.

Шахриар, «имея ревностное желание перейти в григорианство, приводит следующие доводы: к армяно-григорианской церкви «принадлежали по-крайней мере дед и бабушка мои до средних лет своих, отец в детстве, а живая ныне мать и в настоящее время»⁴⁷.

Результаты деятельности православных миссионеров среди армянского крестьянства были незначительны прежде всего по причине устойчивых позиций традиционной армяно-григорианской церкви, которая на протяжении всей истории армянского народа играла этноконсолидирующую роль и способствовала объединению армян в их национально-освободительной борьбе против персов, монголов, турок. Кроме этого, в основе обращения большинства армян к православию лежали материальные выгоды: освобождение на определенный срок от налогов, надежды на получение дополнительной земли. Сдерживающим фактором являлось и григорианско окружение, которое враждебно относилось к отступникам от своей веры.

Проповедь среди лиц, чье обращение в православие было искреннее, также не была и не могла быть эффективной по ряду причин. В силу занятости и дальности расстояний между приходами малочисленное духовенство было не в состоянии полноценно окормлять новую паству, нуждающуюся в постоянном надзоре и наставлениях. Кроме этого, сами священнослужители большей частью были плохо подготовлены к миссионерству. Серьезным препятствием для постижения основ православного учения являлось незнание или слабое знание новообращенными церковно-славянского языка, на котором велось богослужение, и русского, на котором читались проповеди и велись беседы. Они были непонятны верующим. В свою очередь многие миссионеры не знали языка коренного населения.

В какой-то степени отсутствие в губернии русского православного крестьянства сдерживало расширение влияния официальной религии, поскольку крестьяне в значительной степени были связаны с коренным населением. Проживавшие же в губернии молокане и субботники открыто демонстрировали свое неприятие официального православия, и их позиция не могла не повлиять на отношение к православию армянских крестьян, непосредственно соседствовавших с сектантами.

Помимо перечисленных выше основных причин

неудачной деятельности Православной Церкви среди армян, существовали и другие факторы. Определенное значение имела существовавшая в крестьянском сознании взаимосвязь этнической и конфессиональной принадлежности: религиозная принадлежность человека в значительной степени определяла национальную. Отказ от своей традиционной религии означал отказ от своей национальности. Об этом красноречиво свидетельствует прошение 21-летнего жителя с. Кульпы Исаака Абоянца (1911 г.). Крещенный в православие в семилетнем возрасте, он принял решение вернуться в григорианство, так как «желает опять быть армянином»⁴⁸. Это мнение подтверждается прошениями православных армян Новобаязетского уезда, в которых они называют себя «русскими поселянами»⁴⁹, то есть понятия «православный» и «русский» являлись идентичными. Подобная соотнесенность себя к категории «русских поселян» отражала изменения в общественном сознании крестьян, что, кстати, было характерно для многих народов, среди которых велась миссионерская работа⁵⁰.

Получение разрешения на возвращение армян к традиционной религии состояло из нескольких этапов. Ходатайство о смене вероисповедания, подаваемое на имя губернатора, вместе со свидетельством о православном крещении заявителя сопровождалось в Грузинскую епархию. По указанию религиозного руководства края, желающие оставить православие подвергались увещеваниям священнослужителей о свете истинного православия. В значительной степени результаты подобных бесед определялись личностью духовного пастыря: уровнем его религиозных знаний, убежденностью проповедей и приводимых им доводов, умением общаться с прихожанами.

Обычно подобные наставления давались приходскими клириками. Однако в случае одновременного выхода из православия нескольких десятков верующих нередко увещевания проводил сам глава православных церквей губернии. Например, в 1908 г. группа православных крестьян Эчмиадзинского уезда отказалась от своего намерения вернуться в армяно-григорианство «под благотворительным влиянием» благочинного – протоиерея Эриванского собора Николая Федотова: «...каются в своих грехах и просят прощения»⁵¹. Однако в 1910 г. усилия того же священника наставить на «путь истинный» александровских армян, принявших решение о возвращении в католичество, ока-

⁴⁷ ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 3139. Л. 1, 15.

⁴⁸ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 3137. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Д. 3190, 3191, 3194.

⁵⁰ Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск. 1975. С. 275 – 276.

⁵¹ ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2903. Л. 5.

зались тщетны⁵². Чаще всего пастырские доводы и аргументы не увенчивались успехом, и властям ничего не оставалось, как разрешать переход из православия в другое вероисповедание.

Исключение из списков православных прихожан зависело от Грузинско-Имеретинской синодальной конторы, которая констатировала наличие или отсутствие препятствий для перемены веры. На основании положительного решения губернатор давал указание армяно-григорианской консистории – «присоединить» просителя к григорианской вере. Сведения об «отпавших от господствующей веры» регулярно представлялись губернским правлением в канцелярию кавказского наместника и в Министерство внутренних дел. Они же публиковались в Кавказском каландаре.

Поскольку переписка между губернскими и религиозными властями длилась долго, нередко смена вероисповедания затягивалась на несколько лет, в течение которых проситель не мог посещать ни православный, ни григорианский храм. Так, в 1907 г. крестьянин с. Новрузлу, Мкртич Эйласянц, обратился в губернскоеправление с просьбой – сделать «скорейшее распоряжение» о причислении его семьи к григорианской церкви, так как «приближаются великие дни Святой Пасхи, и мы лишены возможности посещать церковь, исповедоваться и приобщаться, как в православной, так и армяно-григорианской»⁵³.

Естественно, Православную Церковь тревожило стремление крестьян вернуться в лоно григорианской церкви, однако никаких насильственных действий по отношению к оставлявшим православие не проводилось, хотя это означало потери не только материальных средств, но и трудовых усилий многих священнослужителей, преданных делу просвещения православием местных народов.

Однако прошение Александровских армян о возвращении в католичество вызвало гнев руководителей высших правительственные учреждений страны и обсуждалось не только в Синоде, но и в Министерстве внутренних дел. Объясняя свой отказ от православия, армяне указывали, что «поскольку они не были воспитаны в духе православия, то не нашли в этом спокойствия совести и души»⁵⁴.

По указанию Николая II на основании различных материалов, в том числе мнения экзарха Грузии, в мае 1911 г. Синодом было вынесено определение, в котором указывалось, что основной при-

чиной принятия этими армянами православия явились «корыстные побуждения с целью получения земельных наделов». Особое возмущение властей вызвала просьба армян о разрешении совершать католические службы в недействующем (из-за отсутствия прихожан) православном храме, специально построенным для них, что было оценено как «крайняя степень их дерзкого вероломства»⁵⁵. Однако, несмотря на запрет, в течение нескольких лет в помещении церкви действовал католический молитвенный дом, где время от времени происходили церковные богослужения по армяно-католическому обряду, а в 1914 г. даже было совершено приезжим католическим священником бракосочетание местных жителей⁵⁶.

Миссионерская деятельность Православной Церкви в Эриванской губернии не ограничивалась приобщением новых членов Церкви к основам православной веры через проповеди служителей Церкви, открытие церковных школ и библиотек. Усилия священнослужителей были направлены и на повышение общей культуры прихожан, в первую очередь новокрещеных. Православное миссионерство явилось одним из рычагов проникновения в этнокультурное пространство местных народов. Священники пропагандировали хозяйственный, общественный и семейный быт православного христианина, который в глазах миссионеров ассоциировался с бытом русских верующих и нередко был далек от привычного образа жизни новокрещеных.

Источники, позволяющие судить о конкретных результатах влияния православия на уклад жизни новых членов Церкви, отсутствуют, однако о том, что такое влияние было, свидетельствует несколько документов, в частности прошение православных ассирийцев с. Арзни в 1866 г. Желая переселиться в Кааязское имение Тифлисской губернии, они обещали «производить посевы всех мануфактурных и торговых растений и вообще всех предметов сельского хозяйства, за исключением сорочинского пшена», а также строить жилые помещения «каменные или деревянные сверху земли, но не в самой земле» (курсив наш. – И. Д.)⁵⁷. Крестьяне надеялись, что принятые ими обязательства сыграют определенную роль в получении разрешения властей на переезд.

Подведем некоторые итоги. XIX век – время активной деятельности правительственные и религиозных структур России по распространению

⁵² ЦГИА РА. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2900. Л. 10.

⁵³ Там же. Д. 2924. Л. 3 об.

⁵⁴ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Д. 2900. Л. 2.

⁵⁵ Там же. Л. 31 – 31 об.

⁵⁶ Там же. Л. 57 – 59.

⁵⁷ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 771. Л. 2 – 2 об.

православия среди населения Эриванской губернии. Если рассматривать миссионерский аспект деятельности Русской Православной Церкви как единый закономерный процесс, его можно разделить на два этапа: 1830 – 1850-е гг. – проповедь православия велась среди ассирийцев, 1860 – 1900-е гг. – основное внимание миссионеров было обращено на коренное армянское население.

Результаты деятельности православных миссионеров в Эриванской губернии на протяжении XIX в. нельзя охарактеризовать однозначно. Разными были причины принятия новой религии ассирийцами и армянами, разными оказались и результаты. Для ассирийцев православие заполнило духовный вакuum, образовавшийся из-за невозможности придерживаться своей традиционной религии – несторианства, и явилось адаптационным механизмом, позволившим им полнее вписаться в новую социально-политическую систему. Позиции православия укреплялись в ходе воздействия религии на образ жизни, культуру и образование ассирийцев, что в конечном итоге привело к современной

ситуации, когда православие стало неотъемлемым фактором идентичности ассирийского этноса в Армении.

В отличие от ассирийцев, в основе отказа армян от традиционной религии – григорианства – лежал в большинстве случаев практицизм, что, естественно, не способствовало усвоению обрядности и основ православного учения. Поверхностный характер приобщения армянского крестьянства к новой вере фактически свел на нет все усилия православных миссионеров.

Тем не менее, благодаря миссионерской деятельности Русской Православной Церкви на протяжении XIX – начала XX в. православная община Эриванской губернии претерпела изменения не только в количественном, но и в этническом составе. К началу XX в. православными миссионерами было крещено свыше 3,5 тысячи человек⁵⁸. Наряду с русскими, украинцами, греками, грузинами, для которых православие являлось этнической религией, в нее вошли новокрещеные ассирийцы и, хотя и ненадолго, армяне.

⁵⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. LXXI. Эриванская губерния. Табл. XIV. «Распределение населения по вероисповеданию и родному языку».